

Дым в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева

© А.Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ,
доктор филологических наук

Образы дыма в прозе И.С. Тургенева и поэзии Ф.И. Тютчева преобразуются в прецедентные высказывания и характеризуют русскую действительность, оценка которой зависит от мировоззренческих установок.

Ключевые слова: дым, дым отечества, Тургенев, Тютчев, заглавие, оппозиция.

DOI: 10.31857/S013161170003002-1

The images of smoke in the prose of I.S. Turgenev and poems of F.I. Tyutchev transform into precedent statements and characterize the Russian reality, the assessment of which depends on outlook.

Keywords: smoke, the smoke of Fatherland, Turgenev, Tyutchev, title, opposition.

«И дым отчества нам сладок и приятен!» —
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш — и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отчество коптит!

Ф.И. Тютчев

Роман «Дым» написан Тургеневым в 1867 году, то есть когда уже были опубликованы все его известные произведения.

Уже само название этого романа, в отличие от написанных ранее, наталкивает на мысль о чем-то несбывшемся, может, трагическом, ибо

дым — это, последствия огня (дыма без огня не бывает). А все, что сопутствует огню, превращает сгоревшее во что-то неосязаемое, летучее, испаряющееся. В «Словаре языка Пушкина» находим пример переносного значения: «*Перен.* Мои стихи скользнули в Лету. Что слава мира ... дым и прах!» [1]. Современные словари так конкретизируют переносное значение этого слова: «Призрак, мечта, иллюзии» [2]; «О чем-либо призрачном, существующем лишь в мечтах» [3]. Переносное значение усматривается в выражении *дым отечества*: «о чем-то родном и потому, независимо ни от чего, дорогим, близком; книжн.» [4]. В XIX веке употребление слова в этом выражении рассматривалось в прямом значении, поэтому эти строки Грибоедова из «Горе от ума» иллюстрирует именно прямое значение: густой пар, выходящий из горячих веществ.

Заглавие романа «Дым» привлекало ученых, ибо оно во многом определяет формально-содержательные характеристики произведения, а также и мировоззренческие установки автора.

А.А. Бельская, обращаясь к работам исследователей заглавия вообще и романа «Дым» в особенности, утверждает, что заглавие романа многозначно и не только связано со всем содержанием текста, но и имеет интертекстуальные и автоинтертекстуальные связи [5]. Заглавие романа по-иному и не может восприниматься, но его интертекстуальные связи, возможно, нужно рассматривать в прецедентном словосочетании «дым отечества» и сравнительном обороте «как дым».

«Дым отечества» как цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» фиксируется Н.С. и М.Г. Ашукиными [6], где приводится и история употребления выражения, краткое содержание которой сводится к следующему. Впервые *дым отечества* встречается у Гомера в песне из «Одиссеи», а позже у Овидия. Он, как и Одиссей, «жаждет иметь возможность видеть хоть дым с отечественных очагов». А в русской поэзии античные традиции продолжены Г.Р. Державиным в «Арфе» (1798): «Мила нам добра весть о нашей стороне. Отечества и дым нам сладок и приятен». Позже Грибоедова П.А. Вяземский возвращается к этим строкам Державина в стихотворении «Самовар» (1840): «Отечества и дым нам сладок и приятен, не самоваром ли, — сомненья в этом нет — Был вдохновен великий наш поэт». Эпиграмма Тютчева не вошла в «Полное собрание стихотворений» 1987 года, так как, по словам К.В. Пигарева, она одно время приписывалась Вяземскому и лишь позднее было доказано тютчевское авторство, на основании которого оно и вошло в издание «Полное собрание сочинений и письма» 2003 года.

В русской литературе *дым* — символ навсегда ушедшего прошлого, с которым нередко расставаться тяжело, так как неизвестно, что обещает будущее, как об этом говорится в «Степи» А.П. Чехова: «Егорушка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, *как дым*, все то, что до сих пор было пережито; он опустился в изнеможении на лавочку и

горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь <...> Какова-то будет эта жизнь?» [7] (Курсив здесь и далее наш. — А.Г.). Сравнительный оборот *как дым* всплывает в памяти у авторов прозаических и поэтических произведений всякий раз, когда их персонажи мысленно прощаются с невозвратимым прошлым.

В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева во всех приводимых иллюстрациях со сравнительным оборотом *как дым* подчеркивается значение исчезновения — людей, животных, мыслей, надежд, переживаний, событий: «Федос не возвращался. Федос исчез... *словно дым* растаял» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «При одном воспоминании об отечестве, о России, все мое тщеславие *исчезало как дым...*» (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин); «Ну, пусть, что прошло, то прошло, а что есть, то завтра *исчезнет как дым*» (Ф.М. Достоевский. Подросток) [8]. Тютчев использовал этот оборот в афористическом стихе в переводе хоровой песни Ф. Шиллера: «Как уходят клубы дыма, так уходят наши дни!» [9. Т. 2. С. 29–33].

Итак, несомненно, что в названии романа Тургенева реализуются переносные значения лексемы, а основной семой этого значения является ‘исчезновение из настоящей реальности, ушедшее навсегда в прошлое’. Считаем, что именно это переносное значение и должно фиксироваться словарями. «Дым» в переносном значении — это своего рода второй член частной оппозиции в семантической системе ядерной оппозиции: «прошлое — настоящее». А первый член может выражать семантику всего того, что отмечается в словарях, и этот лексико-семантический ряд остается открытым: *призраки, мечты, фантазии, иллюзии, надежды, жизнь, стремления, чувства ...*

Другой характерной семантической оппозицией для русской литературы 1860-х годов является оппозиция: «дым отечества» — «дым чужбины», в которой *дым* выступает в своем прямом значении. Все рассуждения о дыме главного персонажа романа, Литвинова, навеяны чередой трагических эпизодов в его личной жизни заграничного периода. Утраченная и преданная любовь обострили его переживания, и дым паровоза, мчавшего его в Россию, вдруг совершенно неожиданно затмил его сознание. Непосредственно с дымом в романе связан всего лишь один эпизод — возвращение Литвинова на родину. Но именно эта сцена обобщила все прошлое, мысленно связала его с неизвестным будущим, и ее ключевое слово вынесено в заглавие романа. Приведем этот фрагмент, чтобы лучше понять тургеневский замысел. «Ветер дул навстречу поезду; беловатые клубы пара, то одни, то смешанные с другими, более *темными клубами дыма*, мчались бесконечной вереницей мимо окна... Он стал следить за этим паром, за *этим дымом*. Беспрерывно *взвываясь, поднимаясь и падая, крутясь...* и *тая*, неслись клубы за клубами: они непрестанно менялись и оставались те же...» [10. С. 155–156]. Клубы дыма и пара привлекли внимание Литвинова. Он внимательно всматривался, что происходит с

ними. А они неслись так, как в реальности проходила жизнь главного героя: поднимаясь и падая, крутясь и тая. Именно к таким сравнениям он приходит в своих дальнейших размышлениях: «*Дым, дым*», — повторил он несколько раз; *и всё вдруг показалось ему дымом*, всё собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское. *Всё дым* и пар, думал он, всё как будто беспрестанно меняется <...> *Дым, шептал он, дым; ... Дым, повторял он, дым и пар* <...> *дым, дым и больше ничего*. А собственные стремления, и чувства, и попытки, и мечтания? Он только рукой махнул» [Там же]. Переход от наблюдений за клубами дыма к последующим размышлениям — выводам заканчивается фразой: «...они непрестанно менялись и оставались те же». Разве это не о самом Литвинове, чьи мысли и представления о прошлой собственной жизни и русской жизни вообще напоминают беспрестанно меняющееся движение клубов дыма?

Роман «Дым» вызвал осуждение единомышленников Тютчева, но, пожалуй, только он не ограничился «горькой жалобой на нравственное настроение, проникающее в повесть, и на всякое отсутствие национального чувства», как писал В.П. Боткин [Т. 2. С. 538—539]. Помимо эпиграммы Тютчев откликнулся на роман одноименным стихотворением «Дым», где в довольно прозрачной метафорической форме выразил свои впечатления о прежнем творчестве Тургенева. Роман вышел в марте 1867 года, а эпиграмма и стихотворение были написаны в конце апреля этого же года, то есть сразу же после прочтения романа. Резко отрицательная оценка «Дыма» во многом объясняется тем, что именно в это время Тютчев с особой остротой переживал все те угрозы, которые исходили от западных политиков по отношению к России и славянофильству вообще. В мае этого же года он пишет два стихотворения под названием «Славянам», где выражает надежду на будущее единство славянских народов, их государств и России. В этих стихотворениях он видит Россию не той, какую она показана Тургеневым в его романе. Поэтому вполне обоснованно Р.Ф. Брандт замечал, что стихотворение «Дым» представляет патриотический протест против пессимизма тургеневского «Дыма» [Там же]. В стихотворении с помощью метафор лес и дым дается оценка прошлого творчества Тургенева и его последнего романа. О своем восхищении рассказами «Записок охотника» Тютчев неоднократно писал жене, и оно передается в первой же строфе стихотворения: «Здесь некогда, могучий и прекрасный, / Шумел и зеленел волшебный лес, — / Не лес, а целый мир разнообразный, / Исполненный видений и чудес» [Там же. С. 174].

Лес — это прошлое творчество Тургенева. Образ леса проходит через весь цикл «Записок охотника», он объединяет тургеневских героев, они надолго остаются в памяти читателей: «На перекрестках, с речью и приветом, / Навстречу нам, из полутьмы лесной, / Обвеянный каким-то чудным светом, / Знакомых лиц слетался целый рой» [Там же].

Но прошли годы:

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?
Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым! [Там же].

Дым — это всё то, что осталось в настоящем от прошлого, связанного с *лесом*, и, таким образом, в данном случае ядерная оппозиция «прошлое — настоящее» конкретизируется в частной: «лес — дым». В переносном значении *дым* не связан семантически с *огнем*, как в прямом, но, конечно, не утрачивает окончательно огненных ассоциаций. Ведь всё, что в нашем сознании воспринимается дымом в переносном значении, так или иначе возвращается к горению. А после выхода «Дыма» название романа вспоминали при дыме от костров и пожаров. В июле 1868 года дымом был окутан Петербург от горящих лесов и торфяных болот. Жители города задыхались от дыма. Известный цензор и литератор А.В. Никитенко в своем «Дневнике» отметил: «Вечера были бы прелестны, если бы не дым от горящих в окрестности торфа и лесов. <...> В Петербурге буквально каждый день пожары, а в иные дни по несколько одновременно <...> *Дым, дым и дым, только не тургеневский, а настоящий, густой, едкий от горящих вокруг Петербурга лесов и торфа*» [Там же. С. 553]. Один из таких пожаров Тютчев наблюдал по пути из Петербурга в Москву. И уже 20 июля стало известно его стихотворение «Пожары», начинающееся так:

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей [С. 189].

Тема «дыма» объединяет творчество Тютчева и Тургенева и, пожалуй, возникает необходимость рассматривать тютчевскую и тургеневскую дымную тематику в единстве, выясняя, что их сближает и что разъединяет.

Ю.М. Лотман справедливо заметил, что стихотворения Тютчева составляют «единый текст, парадигму вариантов глубинной смысловой структуры» [11]. Такой поэтический текст Тютчева создается методом циклизации: «Произведений (речь, конечно, идет главным образом о значащих произведениях), не входящих в тематические циклы, у него почти нет...» [12]. Л.В. Пумпянский называет некоторые из этих циклов, хотя о теме «дыма» не упоминает. И это понятно, так как, по его мнению, «полный анализ всего этого явления возможен был бы, конечно, только в специальном филологическом исследовании»

[Там же. С. 11]. Несомненно, что в поэзии Тютчева тема «дыма» образует тематический цикл. Так, во-первых, она проходит через всё его творчество, начиная от «Безумия» и «Успокоения» (1829) до упомянутых стихотворений 1867–1868 годов и стихотворения «Гус на костре» 1870 года. Во-вторых, в разные годы повторяются в стихотворениях одни и те же выражения: «Треск за треском, / *дым за дымом*, / Трубы голые торчат...» («Пламя рдеет, пламя пышет...». 1855); «*Дым за дымом, бездна дыма* / Тяготее над землей» («Пожары». 1868). В-третьих, дым у Тютчева в разных стихотворениях становится предметом сравнения с человеческой жизнью, судьбой. Начало этому положено в стихотворении «Как над горячею золой...» (1829—начало 30-х): «Как над горячею золой / *Дымится свиток и сгорает ...* / *Так грустно тлится жизнь моя* / *И с каждым днем уходит дымом*» [Т. 1. С. 117]. Продолжено в стихотворении 1849 года «Как дымный столп светлеет в вышине»: «*Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, — / Не светлый дым, блестящий при луне, / А эта тень, бегущая от дыма ...*» [Там же. С. 210]. «Наша жизнь» у тютчевского персонажа даже не дым, а всего лишь его тень. И если уже в более раннем стихотворении *жизнь уходит дымом*, то возникает вопрос: почему так отрицательно воспринял поэт тургеневское сравнение жизни России с дымом? Ведь еще в 1865 году, то есть за два года до появления романа, в стихотворении «Другу моему Я.П. Полонскому» Тютчев вновь возвращается к теме «Дым — человеческая жизнь»: «Нет боле искр живых на голос твой приветный — / Во мне глухая ночь, и нет для ней утра... / *И скоро улетит — во мраке незаметный — / Последний скудный дым с потухшего костра*» [Т. 2. С. 143]. Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т!!!» (Тютчев!!!) и подчеркнул слова «*во мраке незаметный*» и «*скудный дым*» [Там же. С. 512]. В «дымном цикле» Тютчев в разные годы развивал тему: «Жизнь — дым, тень от дыма», но не мог принять тургеневского обобщения жизни России в целом как дыма, особенно в годы усиления в его творчестве славянофильской тематики. Тютчев и после «Дыма» надеялся, что Тургенев вновь просияет и возвратится в *тот же лес, волшебный и родной*. А ветерок дымный призрак унесет с собой.

Литература

1. Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961. Т. 1. С. 742.
2. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., 1948–1965. Т. 2. С. 1199–1200.
3. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1980–1981.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 184.
5. Бельская А.А. Полифония заглавия романа И.С. Тургенева «Дым» // Спасский вестник. 2005. № 12.
6. Ашукины Н.С. и М.Г. Крылатые слова. М., 1966. С. 264–266.

-
7. Чехов А.П. Степь. Избранные произведения. Минск, 1954. С. 145.
 8. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001. С. 168.
 9. Тютчев Ф.И. Поминки // Полное собрание сочинений и письма. В 6 томах. М., 2003. Далее указ. только том и стр.
 10. Тургенев И.С. Дым. Новь. Вешние воды. М., 1986.
 11. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. Таллинн, 1990. С. 108.
 12. Пумпянский Л.В. Поэзия Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803—1928. Л., 1928. С. 19.

Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского